

UDK 821.161.1.09-96

T. B. Романова

National Research University
Higher School of Economics

РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ИСТИННО/НЕИСТИННО (ПО ДАННЫМ РУССКОЙ МЕМУАРНО- ИСПОВЕДАЛЬНОЙ ПРОЗЫ КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI ВВ.)

В статье рассматривается содержание и способы выражения логической оценки *истинно-неистинно* в мемуарной прозе русской интеллигенции. Целью статьи является определение жанровых особенностей данной оценки в современной мемуарно-исповедальной прозе в целом и специфики этой оценки в рамках русской ментальности. К специфическим жанровым чертам исследуемой оценки можно отнести нерелевантность оппозиции *истинность/ложность*; к характерным чертам русской ментальности - концептуальный характер логических оценок *правда/истина*. Определены также прагматические особенности указанных оценок в русской культуре.

Ключевые слова: анализ концептуальной структуры текста, исповедальная мемуарная проза, русская культура конца XX - начала XXI вв., русская философия

The article looks at the content and means of expressing logical evaluations *true vs. untrue* in confessional memoirs of the Russian intelligentsia, seeking to define the genre status of these evaluations in modern confessional memoirs in general and see their role and function in the Russian mindset. The author describes the conceptual nature of truth-*istina* and truth-*pravda* evaluations, typical for the Russian mentality, concludes that the opposition *true vs. untrue* is irrelevant for the modern confessional genre, and looks at pragmatic functions of these evaluations in the Russian culture

Key words: confessional memoirs, conceptual analysis, Russian culture of the Late 20th, Early 21st Centuries, Russian philosophy

Понятие истины, достоверности в лингвистике и логике не совпадают, а подчас и противоречат друг другу. Если в философско-методологических и логических работах достоверность используется для характеристики доказательных, обоснованных объективных знаний в качестве синонима истины, то в языкознании при анализе этой категории на первый план выдвигается субъективный момент - степень знания говорящим связей и отношений действительности, отраженных в высказывании. Очевидно, что лингвистическая модальность занимается анализом взглядов конкретного человека как члена определённого лингвокультурного сообщества, или, по крайней мере, его понимания истины, хотя это может и не соответствовать объективному положению дел. Под лингвистической достоверностью понимается рациональная оценка содержания высказывания, осуществляемая говорящим

в соответствии с полнотой его знаний о событиях, вербализованных в высказывании (Павловская 2000: 76).

Но человек не всеведущ. Он не всегда может делать истинные утверждения. Он высказывает лишь предположение или догадку. Неуверенность в истинности суждения маркируется модальными операторами (МО): наклонением глагола, вводными словами или глаголами пропозиционального отношения. Модальный оператор сигнализирует о достаточности или недостаточности оснований для утверждения. Он градуирует имеющуюся у говорящего информацию, а не признаки, характеризующие субъект.

Степень выражения истинности сообщаемого в высказывании может варьироваться. Грамматические способы выражения истинностной оценки (модальность) вуалируют эти различия, но лексика их выявляет. Предикаты истинностной и квазиистинностной оценок образуют в русском языке достаточно большую группу: *правильно, верно*; функцию подтверждения истинности могут выполнять также лексемы *убеждение, подтвердить*; обстоятельства *точно, правильно, верно (расчет художника, точно знающего; пишу точно по норме* (Нагибин 2001:490–491)).

Глаголы мнения (*считать, полагать, находить, думать*) представляют оценку истинной относительно концептуальной картины мира субъекта оценки, которая может совпадать с реальным миром. Иными словами, если оценочное мнение верифицируется путем обращения к мыслям, чувствам, намерениям оценивающего субъекта как искреннее, то оно обладает субъективной (психологической) истинностью.

При употреблении глаголов *считать / полагать / думать* в прошедшем времени, при ретроспективной точке отсчета, в высказываниях возникает импликатура неистинности оценки в момент говорения, т.е. в настоящий момент. См.: *...разве я всю жизнь не считала, что все мое существование состоит в том, чтобы жить и думать о жизни? Жизнь и смысл жизни. Но теперь я вижу, что смысл ее – в ней самой и во мне – живой, еще живой. А другого смысла нет. И цели нет, и потому-то средства и не оправдываются целью, что цели нет.* (БЕРБЕРОВА 1999: 437)

Итак, с одной стороны, понятие достоверности в лингвистике не совпадает с логическим содержанием термина истинность/достоверность, с другой стороны, оппозиция истинность/ложность для речевых высказываний нерелевантна, т.к. субъективное не может быть истинностным.

Она, эта оппозиция, нерелевантна в целом для русской ментальности, что проявляется в речевом поведении, нерелевантна и для русского текста.

Покажем это на примере распространённой и популярной в современной России мемуарно-исповедальной прозы, т.к., во-первых, логическая оценка истинно/неистинно в данном типе прозы является жанрообразующей, во-вторых, этот тип прозы позволяет выявить характерные черты русской ментальности. Но сначала необходимо объяснить, что сделало эту литературу весьма заметным и значимым явлением русской интеллектуальной прозы.

Усилившийся в период «оттепели» (60-ые годы XX века) интерес к личности можно считать поворотным моментом в развитии русской мемуаристики XX в.

В мемуаристике конца XX века обнаруживаются новые тенденции, в сравнении, например, с мемуарами начала века. Часто на первый план выносятся не анализ, а демонстрация взглядов, характера. Причем «подобного рода открытость нельзя расценивать как реализацию принципиального для мемуаров стремления к достоверности, к максимально полному самовыражению и самопознанию, поскольку сам автор утверждает: «... все, что я пишу о себе, – **это то, что я хочу, чтобы вы про меня знали. Это возвышающий меня и вас обман**» (Кончаловский 1999: 8). Как пишет Т.Е. Милевская, произведение мемуариста конца века можно назвать *биографией карьеры* (Милевская 2000: 68): см. М. Захаров «Суперпрофессия»; М. Козаков «Актерская книга», Р. Фурманов «Из жизни сумасшедшего антрепренера. Театральный роман», В. Рецпер «Прощай, БДТ! (Из жизни театрального отщепенца)», И. Смоктуновский «Быть!», Н. Мордюкова «Записки актрисы», Т. Доронина «Дневник актрисы» и др. Иногда в такой книге нет ничего в строгом смысле мемуарного (например, А. Розенбаум «Бультерьер»), но есть исповедь: *«Писал, ничего не сочиняя, лишь записывая за собой, откровенно, от первого лица, делая вторых лиц – реальных живых людей – невольными участниками моего нескромного повествования. Что ж, появился такой «бесстыдный» жанр и утвердился в литературе второй половины двадцатого столетия...»* (М. Козаков: 312).

Содержание термина *исповедальная литература* попытаемся определить через семантику слова **исповедь**. В словаре Д. Ушакова указано два значения. «1. В христианской церкви – *покаяние в своих грехах перед священником; обряд отпущения священником грехов после опроса кающегося* (церк.). 2. *Искреннее и полное признание в чем-н., покаянное, откровенное изложение чего-н.* (книжн.). Авторская исповедь... (Толковый словарь... 1996, т.1:1240). Как писал М. Бахтин, исповедь есть специальная форма выражения души в словесном творчестве, «нравственный рефлекс над самим собой» (Бахтин 2000: 135–136). Книга-исповедь – откровенно и сознательно эгоцентрична. «Но главное в книге ... самопознание, познание собственного духа и духовных исканий», автора интересует «не столько характеристика среды, сколько характеристика своих реакций на среду» (Бердяев 2000: 8–14). Если книги в жанре дневника, воспоминаний, автобиографий и др. направлены на то, чтобы запечатлеть бывшее, то в книге исповедального жанра рассказ о жизни автора в хронологическом порядке не является главным. Если это и можно назвать автобиографией, то в какой-то мере «автобиографией философской, историей духа и самосознания» (там же: 7).

В нашем употреблении *исповедальный* не жанровая характеристика, а содержательная. Личный жизненный опыт, личные переживания, исповедальность несут в себе произведения разных жанров: и автобиографии, и дневники, и автобиографическая художественная литература, и путевые заметки, очерки, психологические зарисовки, и записные книжки, автобиографические портреты, и воспоминания и т.д. В исповедальных текстах представлены идеологические и аксиологические ориентиры автора, предлагается большое количество средств выражения субъективной модальности и использование открытых (явных) способов концептуальной экспликации. Термин

исповедальная проза представляется нам предпочтительным, т.к. не всегда в ней преобладают мемуарные тенденции, главная цель – осмыслить себя. Такие черты, как исповедальность, поворот к субъективному миру конкретного (известного!) человека, обусловили востребованность мемуарно-исповедальной прозы в современной России.

Теперь объясним, почему оппозиция истинно/неистинно нерелевантна для мемуарно-исповедальной прозы. В первую очередь, по причине чрезвычайной субъективности этого типа прозы. Это проявляется в том, что автор моделирует свой образ, создаёт его таким, каким хочет, чтобы его видели. Отличительной особенностью этого образа является его двоякая функция в произведении. С одной стороны, неотъемлемой принадлежностью сюжета становится автор биографический, с другой стороны, в свои права вступает автор-художник, обнаруживающий себя в системе литературных приемов и средств: в отборе фактов, в комментариях и оценках, в способах изображения людей и событий.

Субъективное не может быть истинным. Во-первых, потому что авторская модальность отражает взгляды конкретного человека, его понимание истины, это может и не соответствовать объективному положению дел. «Из того, что мне – или всем – кажется, что это не так, не следует, что это так и есть» (Витгенштейн 1994: 17). Данную проблему, так или иначе, рассматривали как европейские, американские философы (У.Куайн, Г.Фреге, Б.Рассел, Р.Карнап), так и российские (например, Н.А.Бердяев).

Во-вторых, сам жанр исповеди требует «беспощадной искренности», на которую способен не каждый человек. «Открыться перед богом легче, чем перед людьми. Нужно бесстрашие, чтобы предстать перед всеми и перед собой со своими слабостями, пороками, пустотой... Друкер прав – рассматривать себя пристально и беспощадно (выделено нами. – Т.Р.) умели разве что такие люди, как Жан-Жак Руссо и Лев Толстой» (Гранин 1985: 235). Русская пословица «*Не любо – не слушай, а врать не мешай*» вполне выражает суть неискренности в исповедальной прозе. Таким образом, в исповеди нарушаются канонические законы жанра.

В-третьих, классические мемуарные тексты «создаются в результате фиксации данных памяти, и ключевым модальным оператором этих текстов является оператор *я помню, что (как)*. Поскольку глагол *помнить* относится к категории фактивных предикатов, а его пропозиция имеет значение истинности, сообщаемое в мемуарном тексте способно осмысляться как фактическое, а сами мемуары рассматриваются как документы, из которых можно почерпнуть разнообразные сведения. Такой подход к мемуарному тексту отражает модель восприятия, которая заложена самой природой текстов этого типа. Именно по параметру достоверности они противопостоят текстам, в создании которых участвует вымысел, – художественным и фольклорным, а благодаря “фактажу”, содержащемуся в них, они смыкаются с текстами справочно-информирующего типа» (Радзиевская 1992: 48–49). Но как только в текстовом пространстве оказываются модальные операторы *я думаю, я знаю, я считаю...*, фактор достоверности уже не актуален, актуальна самопрезентация личности, ее о т н о ш е н и е к излагаемому. Именно к

излагаемому, а не к изображаемому, т.к. для исповедальной мемуарной прозы (современной в особенности) характерно ментальное, аналитическое восприятие действительности, а не сенсорное. Причем это восприятие часто иррационально, т.е. интуитивно, эмоционально.

Мемуарная проза, с нашей точки зрения, отражает состояние русского национального сознания, поэтому исповедальность можно рассматривать не только как характерную черту современной мемуаристики, но и как черту русской ментальности. В числе основных черт русской концептуальной картины мира отмечают иррациональность (Вежбицкая 1997, Wierzbicka 1992). Это во многом объясняет, почему оппозиция истинно/ неистинно является нерелевантной для русской ментальности (см. Н.Бердяев, С.Булгаков, Л.Карсавин, А.Лосев, В.Розанов, П.Струве, П.Флоренский). Так, в «Дневнике писателя» 1873 года великий Ф.М.Достоевский, говоря о важной психологической черте русского характера, пишет: « Это прежде всего забвение всякой меры во всём ... Это потребность хватить через край ... дойдя до пропасти, свеситься в неё наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в неё как ошалелому вниз головой» (Достоевский. Полн. собр. В 30-ти т. – Л., 1980. – Т.21. – С.35). Сходное мнение о русской ментальности высказывали многие философы, исследователи в области разных гуманитарных наук. Приведём некоторые высказывания. Русский философ Н.Бердяев: «Эта душа (русского человека. – Т.Р.) открывается всем далям, устремлена в даль конца истории. Она легко отрывается от всякой почвы и уносится в стихийном вихре в бесконечную даль. В ней есть склонность к странствию по бесконечным равнинам русской земли. Недостаток формы, слабость дисциплины ведёт к тому, что у русского человека нет настоящего инстинкта самосохранения, он легко истребляет себя, сжигает себя, расплывается в пространстве» (БЕРДЯЕВ 2000: 349). О том же писал академик Д.С.Лихачёв: «Одна черта, замеченная давно, действительно составляет несчастье русских: это во всём доходить до крайностей, до пределов возможного» (ЛИХАЧЁВ 1990: 5). И ещё одно подтверждение из книги о творчестве русского художника И.С.Глазунова: «Драматизм и трагизм образов Глазунова органично связаны с глубиной натуры русского человека, с такой определяющей чертой русского национального характера, как извечное стремление прислушиваться к голосу совести, жить в согласии с ней. А жить по совести – значит жить по нравственному закону, суть которого – любовь к человеку, доброта и сострадание к нему, может быть, даже в ущерб собственным интересам. И **беспримерная самоотверженность в поисках истины** (выделено мной. – Т.Р.) (Новиков 2006:159).

Нерелевантность с точки зрения русской ментальности оппозиций истинно/ неистинно доказывается и тем, что русский язык словесно различает *правду* и *истину*. Тогда как, например, в английском языке эти концепты обозначены одним словом (truth), что, по-видимому, связано преимущественно с эмпирической картиной мира.

Прокомментируем это лексическое различие, опираясь на данные лингвистических исследований, словарей, на философские источники и на тексты исповедальной прозы.

Рассматриваемая в статье оценка *истинно/неистинно* концептуально связана с оценкой *правда* и *истина*. Концепты *правда* и *истина* относятся к категории логико-этических концептов. Данные концепты на рубеже сменяющихся столетий привлекли внимание довольно значительного числа лингвистов. Следует указать исследования Ю.С. Степанова, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, В.А. Лукина и др. Приведем словарные определения *истины* и *правды*. **Истина** – «1) то, что существует в действительности, отражает действительность, правда; 2) утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом» (Ожегов 1984: 221). **Правда** – «1) то, что соответствует действительности, истина», например:

(Ахматова про рассказ Солженицына «Случай на станции Кречетовка»): *От Солженицына мы ждем правды, только правды. Он не должен такие рассказы рассказывать* (Чуковская 1997: 16);

«2) порядок, основанный на справедливости, честности; 3) то же, что и правота (разг.) и т.д.» (Ожегов 1984: 498). Но *правота* противопоставляется *правде*. Например: *Правота? Вам, оказывается, нужна правота, а не правда?.. А правда в том, что это начало конца...* (Окуджава 1995: 74); **правота** – «правильный образ действий и мыслей» (Ожегов 1984: 499); **правильный** – «(1) соответствующий установленным правилам, не отступающий от соответствующих правил, норм, порядка ... (5) удовлетворяющий правилам» (Большой толковый словарь русского языка 1998: 952). Ср.: *Правда приравнивается к порнографии* (Нагибин 2001: 189); *правоверность* (= правильность. – Т.Р.) – *глупость или страх* (там же: 476–477).

Как видим, словарь фиксирует высокую степень совпадения лексических пространств, занимаемых этими концептами, (ср.: *Истина* – то, что отражает действительность, правда; а *правда* – то, что соответствует действительности, истина). Эта же высокая степень совпадения позволяет некоторым исследователям в значительной степени отождествлять эти концепты (например, в исследовании Гака (Гак 1993)). В то же время для многих носителей русского языкового сознания понятия «истина» и «правда» предстают настолько несовпадающими по своей референции, что допускают со- и противопоставление.

Если взглянуть на соотношение правды и истины в аспекте тетрахотомии *всеобщее – общее – особенное – единичное* (Пузырев 2001), то при проецировании их на указанный логический ряд данные концепты займут позиции, не вполне совпадающие друг с другом.

Правда – «то, что соответствует действительности, истина»; «то, что представляется кому-л. правильным, верным, с точки зрения морали, этики», «то, чем должен руководствоваться человек в своих поступках» (нравственная правда = истине); «реалистическое изображение явлений в художественном произведении, на сцене и т.п.» (правда – точность отображения жизни); «справедливость, порядок, основанный на справедливости» (Пузырев 2001: 120–121). Исповедальная мемуарная проза позволяет указать еще одно значение слова правда – «духовный опыт». Например:

Такая же смерть постигнет и тех, в ком понимание правды возникнет независимо от каких-либо книг, произвольно, и кто осмелится поделиться своим духовным опытом с кем бы то ни было (Андреев 2000: 580).

Истина – «то, что соответствует действительности, действительное положение вещей...» (Словарь русского языка 1985: 688). Например: «*Николай Бурляев, актер Тарковского, во второй половине 80-х снимает фильм «Лермонтов». ... На балу у Николая Первого Гоголь (тот же Бурляев), где он просто-напросто и быть-то не мог, – видел Николая всего два раза в жизни, и то издали...*» (Козаков 1997: 366).

Истина – «нравственный идеал. Искать истину. Верить в истину. Святая истина» (Большой толковый словарь русского языка 1998: 403). Истине соответствует модусы *знать, раскрывать, искать, познавать*. Например:

... Правда – это истина, но и справедливость, правильность, указание на то, как следует поступать и делать. Слово «истина» восходит к корню «есть». Тут имеется в виду действительность, бытие, сущее. Поэзия имеет дело с раскрытием истины (Вознесенский 1998: 337).

По мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, слова *правда* и *истина* обозначают две стороны одного и того же общепhilosophического концепта: *правда* указывает на практический аспект этого понятия, а *истина* – на теоретический аспект (Булыгина, Шмелев 1997). В каком-то смысле *истину* знает только Бог, а люди знают *правду*. Ср.:

Уже за этот многолетний трагический мучительный поиск Божественной истины Толстой более, чем его ниспровергатели, хулителю с крайних православно-церковных позиций, достоин Царства Божьего. (Вознесенский 1998: 337).

У каждого своя правда, у каждого своя логика и характер (Козаков 1997: 308). Ср. *познать истину* (без указания источника) и *узнать* (у кого-либо или от кого-либо) *правду*. Истина (при) *открывается*, ее *достигают*, до нее *возвышаются*, она *бывает высшей*. Ср.:

Когда-то он (Д. Самойлов) писал:

*Допиться до стихов,
Тогда и выпить стоит,
Когда, лишась оков,
По миру солнце стонет...*

Допиться до таких стихов, через которые приоткрывается некая истина или хотя бы подобие ее!..

В 1980 году я попал в жуткую автомобильную катастрофу и – чудом уцелел. Булат Окуджава тогда сказал: «Значит, Миша, ты еще не достиг истины». Сегодня 1992 год, сегодня я уже кое о чем догадываюсь. Не только вычитываю у других – и самому уже что-то приоткрывается. Или кажется? Что не покажется, когда «допиваешься» до каких-то открытий в самом себе, в других, в жизни! Когда, осмелев, обращаешься с самыми главными вопросами к Чему-то или Кому-то в себе и порой, сдается, слышишь ответы (Козаков 1997: 297–298).

В тебе есть потребность метафизики, то есть истины высшей. На это, я думаю, и следует ориентироваться. Метафизика, ставшая актерской органикой и не отделенная от всех свойств актерского ремесла. Это не все поймут, но все почувствуют, если и впрямь удастся тебе возвыситься до этого (Д. Самойлов – М. Козакову) (КОЗАКОВ 1997: 307).

Истина бывает отвлеченной, абстрактной; в слове правда отчетливо выражено представление о норме и моральное измерение. Необходимо учитывать многозначность слова правда. «Правда – истина» как категория гносеологическая несомненно отличается от «правды – справедливости» (искать правду) как этического императива (Михайловский 1897). Ср.:

Почему я отправился к Хайдеггеру?

В половодье шестидесятых хотелось фундаментальной онтологической истины, еще год оставался до пражского краха надежд, но уже чувствовалась тревога, а в имени последнего германского гения магически хрустели редкие для русского языка звуки «х», «гг», «р», в свое время так восхищавшие будетлян. Еще Велимир «в земле, называемой Германия», находил звук «гг» определяющим семена Слова и Разума» (ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1998: 340); ... в своей сцене у текстильного министра, куда она приходила за правдой (ЩЕГЛОВ 1998: 137).

«Правда одухотворена человеческим чувством, личным отношением, характеризуется свободой воли в отличие от predetermined истины, слишком объективной, чтобы человеческая воля могла ею управлять» (КОЛЕСОВ 1999: 116–117). Последовательно признается, что для русского правда понятней отвлеченной истины. В «Русском ассоциативном словаре» слово правда как реакция представлено в семь раз чаще, чем истина, а соотношение русских пословиц со словами истина и правда в словаре В.И. Даля равно 1:100 (ПУЗЫРЕВ 2001: 120). Но, с другой стороны, истина важнее, поскольку она принадлежит Богу, или «горнему» миру. Правда, с этой точки зрения, оказывается «приземленной», относящейся к «дольному» миру. Истина всегда нравственна, поэтому ее достигнуть трудно. «Высшая Правда» (= истина. – Т.Р.) доступна только «пророкам, вестникам, проповедникам», которые способны «узреть миры горние», «услышать мировую гармонию», чей «духовный слух отверзся» и «глубинная память пробудилась». Для этого необходимы «любовь к миру», «духовность», «духовное знание», которые «рождены не только совестью» и «опираются не только на логику» (АНДРЕЕВ 2000: 430). Человек часто находится в ситуации выбора между истиной и правдой. Например:

При моем стремлении к затуманенности, к тому, чтоб не знать или знать не до конца, я был бы счастливей в другом веке, в другом пространстве. О мир Марселя Пруста!... Но есть горькое удовлетворение в том, чтобы родиться и жить и, наверное, погибнуть тогда и там, где сорваны все маски, развеяны все мифы, разогнан блаженный туман до мертвографической ясности и четкости, где не осталось места даже для самых маленьких иллюзий, в окончательной и безнадежной правде. Ведь при всех самозащитных стремлениях к неясности, недоговоренности хочется прийти к истинному знанию. Я все-таки не из тех, кто выбирает неведение (НАГИБИН 2001: 430).

Таким образом, анализ по исповедальной мемуарной прозе семантических полей как лингвистического аналога концептов и сравнение их состава с вариантом, представленным по данным словарей, позволяют уточнить естественно-языковые свойства концептов *правда*, *истина* и выявить специфику их функционирования в современном русском дискурсе.

Укажем на прагматическую «градацию правды», приведенную в коллективной монографии «Человеческий фактор в языке...» (1992: 23–29). Выделяется «правда откровенности», «правда открытости», «правда доверия», «правда по секрету», «правда искренности», «правда исповеди», «правда для себя», «правда в интересах другого». Используем данные указанного источника для анализа особенностей мемуарно-исповедальной прозы.

«Правда откровенности» и «правда открытости» — это преимущественно правда о себе, сообщаемая добровольно. Когда правда о себе становится глобальной, говорят о «правде исповеди». Это, разумеется, имеет прямое отношение к специфике исследуемого жанра. Нормативно исповедь включает сообщение об отрицательных поступках и мыслях говорящего — его грехах, и она обращена к духовному лицу, наделенному правом их отпущения. Исповедь есть акт раскаяния, а чтобы раскаяться, нужно прежде всего дать названия грехам. См.:

Подумать только, что получается! Стал вспоминать о себе, писать книгу о человеке во времени, а получились наброски, зарисовки русских и иных интеллигентов на переломе, с кем встретился на пути — череда случайных фигур. Череда моих мыслей, поступков следует за ними. Их не поменять! Порой жгучий стыд заливает лицо.

Господи, прости меня!

Сколько презрешиений, совершенных и несовершенных было за мою жизнь, тут и гордыня, и гонор, и кощунство, и грех уныния, глупость, и запутанность в мелочевке — столько грязных страниц, ошибок, столько ужасов... Такая темнота перла! Но — все-таки прожитая болевая, нескладная жизнь кажется счастливой, она моя, какая ни есть. И не надо мне иной ... Простите меня те, кого я обидел в этой книге! Кого жизнью обидел, простите! (Вознесенский 1998: 473, 475)

Но в миру — это духовная автобиография, предполагающая правдивость и искренность и имеющая своей целью очищение через слово, обращенное к людям (требование христианской культуры, православия в частности). Поэтому в сообщении исповедальной правды заинтересован не адресат, а сам говорящий. Именно говорящему важно, чтобы его выслушали, о нем знали, его поняли, простили.

На этой основе сформировался и литературный жанр исповедей. Условия, которым должна удовлетворять исповедальная проза, определил В. Войнович:

Я надеюсь, что в числе ее (книги. — Т.Р.) достоинств будут предельные искренность, откровенность и непредвзятость в описании отдельных событий и личностей. Но при этом она есть не проповедь и не исповедь, а в какой-то степени самопознание, попытка объяснить себе себя и себя другим, и других себе. (Войнович 1994: 8).

Итак, «говорение правды» имеет прагматически обусловленные варианты. Все они соотносятся с модусом говорения: *говорить прямо (в глаза), говорить за глаза, говорить откровенно, открыто, искренне, доверительно, нелицеприятно, по секрету* и т.д. Это - «правда в интересах говорящего». Она высказывается человеком добровольно — по чувству долга, по склонности к дидактике или ради нравственного очищения. Есть ситуации «правды для другого»: прагматические условия употребления выражений *знать правду* и *говорить правду* различны:

Февраль-март 1956 года. Морозы в феврале до тридцати пяти градусов. Я живу на улице Обуха, в очередной снимаемой комнате. Вокруг чужие вещи: легкомысленные шатающиеся столики, за которыми трудно писать, расстроенное пианино, пыльные ковры, на стенах фотографии в затейливых рамках и расписные с золотыми ободками тарелки. И все же я довольна. Тихо, толстые стены старого дома, соседей не слышно, можно работать. Хотелось, чтобы друзья за меня радовались, и я была очень огорчена словами своей в те годы близкой приятельницы... Оглядев тарелки и рамки, она воскликнула: «Как вы можете тут жить? Я бы не могла!» А Анна Андреевна, войдя, сказала: «Здесь божественно тепло!» Бессмысленных слов (ведь я ничего не могла изменить!) она не говорила никогда. Тем паче слов, которые способны задеть или встревожить собеседника. Английская поговорка: «Воспитанный человек никогда не бывает груб без намерения» - подходила ей как ни к кому другому. Так называемых «неосторожных слов» у нее не вырывалось. Она твердо знала, что она говорит и зачем (Ильина 1988: 185).

В данном примере имеется в виду тактика сокрытия истинного положения дел, сообщение «не всей правды», умолчание о «другой стороне дела» для сокрытия **собственно истины** (истина, как известно, частичной не бывает), что ещё раз подчёркивает относительность и избирательный характер правды и объективность истины. С этой целью могут использоваться утверждения со словами *не помню*, которые равнозначны утверждениям о несуществовании описываемого положения дел (по крайней мере, в сфере личного опыта говорящего). О возможности существования этого положения дел за пределами его опыта субъект ничего не сообщает. Именно поэтому подобные высказывания могут использоваться для сокрытия истины.

Виды «говорения правды» характеризуют речеповеденческие привычки говорящего в русской культуре, ср.: *прямой, откровенный, открытый, искренний, доверчивый человек*. Таковы же и противоположные характеристики: *непрямой, неоткровенный, скрытный, лицемерный, неискренний человек*. Очевидно, что скрытный человек скрывает от других правду о себе, но не ложь.

Все названные речеповеденческие акты имплицитно подразумевают истинность сообщаемой информации, а выведенные из них определения человека характеризуют его по отношению к правде совершаемых им речевых действий. Само понятие открывания, давшее серию такого рода характеристик (*открытый, скрытный, откровенный*) ассоциируется с истиной: истину *скрывают и открывают*. Содержание же речевых актов под влиянием прагматических условий

сдвигается в сторону мнений, оценок, взглядов и психологии говорящих: *открывают* не только *истину*, но и *душу* (*сердце*).

Правда, содержащаяся в речеповеденческих актах, все дальше отходит от верифицируемой истины и все более явно распределяется по говорящим, истина превращается в личную правду. Правда же, исходя из анализа современной русской литературы вообще и мемуарной исповедальной прозы в частности, это не только истина человека, но и истина о человеке.

Все приведённые выше данные позволяют сделать вывод, что концепт истина/правда в русской культуре на сегодняшний день «расшатан» и «размыт». Кроме того, особенности функционирования логической оценки *истинно/неистинно*, выявленные по данным современной русской мемуарной прозы (с одной стороны, концептуальность данной логической оценки, с другой стороны – её нерелевантность), позволяют говорить о зафиксированных чертах речевого поведения (иррациональность, субъективное пренебрежение к правде, любовь к истине «в последней инстанции», искренность) как о специфических чертах русской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

- В.И. Даль, 1995: *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.* М.: Рус. яз.
- А.П. Евгеньева, 1985: *Словарь русского языка.* М.: Рус. яз.
- С.А. Кузнецов, 1998: *Большой толковый словарь русского языка.* СПб.: Норинт.
- С.И. Ожегов, 1984: *Словарь русского языка: 16-е изд., испр.* М.: Рус. яз.
- Д. Ушакова, 1996: *Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. I.* М.: ТЕРРА.
- Д.Л. Андреев, 2000: *Роза Мира.* М.: Мир Урании.
- Н.Н. БЕРБЕРОВА, 1999: *Курсив мой: Автобиография.* М.: Согласие.
- А.А. Вознесенский, 1998: *На виртуальном ветру.* М.: Вагриус.
- В. Войнович, 1994: Замысел // *Знамя* 10. 7–74; 11. 11–71.
- Д.А. Гранин, 1985: Эта странная жизнь // Д.А. Гранин: *Река времен.* М.: Правда.
- Ф.М. Достоевский, 1980: *Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 21, 35.* Ленинград: Наука.
- М. Захаров, 2000: *Суперпрофессия.* М.: Вагриус.
- Н. Ильина, 1988: *Дороги и судьбы.* М.: Советская Россия.
- М. Козаков, 1997: *Актерская книга.* М.: Вагриус.
- А. Кончаловский, 1999: *Возвышающий обман.* М.: Совершенно секретно.
- Е.А. Коренева, 2003: *Идиотка.: Роман-биография.* М.: ООО «Издательство Астрель»; «Издательство АСТ».
- Ю.М. Нагибин, 2001: *Дневник.* М.: Олимп, Астрель, АСТ.

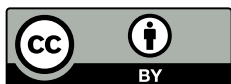
- «Надо аккумулировать душевную энергию...»: Письма Арсения Тарковского к Евдокии Ольшанской, 1999: *Знамя* 4. 154–167.
- Б. ОКУДЖАВА, 1995: *Упраздненный театр. Семейная хроника*. М.: Издательский дом Русанова.
- Г.В. РИХТЕР, 1997: Эвтерпа с берегов Невы, или чествование Анны Ахматовой в Таормино // Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Согласие.
- Д. САМОЙЛОВ, 1993: Сны об отце: Из книги «Памятные записки» // *Дружба народов* 10. 211–240.
- А. СОЛЖЕНИЦЫН, 1991: Бодался теленок с дубом // *Новый мир* 6. 29–30.
- М.Л. ТАРИВЕРДИЕВ, 1997: *Я просто живу. «Впереди, мне казалось, меня ждет только радость...»*. М.: Вагриус.
- Р. ФУРМАНОВ, 1998: *Из жизни сумасшедшего антрепренера: Театральный роман*. СПб: Белое и Черное.
- Л.К. ЧУКОВСКАЯ, 1997: *Записки об Анне Ахматовой: В 3 т.* М.: Согласие. Т.3.
- А. ЩЕГЛОВ, 1998: *Раневская. Фрагменты жизни*. М.: Вагриус.
- Е.Г. ЭТКИНД, 2001: *Записки незаговорщика: Барселонская проза*. СПб.: Академический проект.
- Н.Д. АРУТЮНОВА, 1999: *Язык и мир человека*. – 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры.
- Н.А. БЕРДЯЕВ, 2000: *Русская идея*. М.
- Т.В. БУЛЫГИНА, А.Д. ШМЕЛЕВ, 1997: *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Языки русской культуры.
- А. ВЕЖБИЦКАЯ, 1997: *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари.
- Л. ВИТГЕНШТЕЙН, 1994: *Философские работы*. Ч. 1. – М.: Гнозис.
- В.Г. ГАК, 1993: Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // *Логический анализ языка. Ментальные действия*. М.: Наука, Вып. 6. – С. 22–29.
- В.В. ЗНАКОВ, 1995: Почему лгут американцы и русские: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана // *Вопросы психологии* 2. 84–91.
- , 1993: Принимание субъектом правды о моральном поступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // *Психологический журнал* Т.14. 1. 32–43.
- В.В. КОЛЕСОВ, 1999: *«Жизнь происходит от слова...»*. СПб.: Златоуст.
- Д.С. ЛИХАЧЁВ, 1990: О национальном характере русских // *Вопросы филологии* 4.
- Т.Е. МИЛЕВСКАЯ, 2000: Мемуары начала и конца XX века: Сходство и различие // *Материалы XXIX межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов*. СПб., Вып. 12: Стилистика художественной речи: динамика стилей русской литературы XX века.

- Н.К. Михайловский, 1897: Письма о правде и неправде// *Сочинения: В 6 тт.* Т.4. СПб. 381–464.
- В.С. Новиков, 2006: *Илья Глазунов. Русский гений*. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм.
- Н.Ю. Павловская, 2000: Модальность достоверности: Лингвистический статус, когнитивный подход в изучении // *Когнитивная семантика: Мат-лы Второй Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике 11-14 сентября 2000 г.: В 2 ч.* / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. Ч.1. 75–78.
- О.Г. Пироженко, 2001: Ложь как реализация цели говорящего // *«Язык и культура». Научное издание. Сер. «Филология». Вып.3. Т.4: Язык и художественное творчество*. Киев: Издательский Дом Дмитрия Бурого. 187–192.
- А.В. Пузырев, 2001: Соотношение «правды» и «истины» в аспекте тетрахомии «всеобщее-общее-особенное-единичное» // *Филология и культура: Мат-лы III Междунар. науч. конф. 16–18 мая 2001 г.* Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, Ч.2. 120–121.
- Т.В. Радзиевская, 1992: Инструктивный потенциал комментария: Художественные и мемуарные тексты // *Принципы изучения художественного текста: Тез. вторых саратовских стилистических чтений, апрель 1992 г.* Саратов: Саратовский государственный университет, Ч.2. 48–49.
- Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис.*, 1992: М.: Наука.
- A. WIERZBICKA, 1992: *Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York: Oxford University Press.
- L. COLEMAN, P. KAY, 1981: Prototype semantics: the English verb “lie” // *Language* 57/1. 26–44.

POVZETEK

V članku se osredotočamo na analizi vsebine ter načinov izražanja logične ocene resnično ali neresnično v memoarski prozi ruske inteligence od konca 20. do začetka 21. stoletja. S tem dokazujemo, da ravno ta literarna dela prikazujejo narodno, mentalno samobitnost po eni strani, in žanrsko posebnost te logične ocene po drugi strani.

Kot dokazilo osnovne teze zaznamujemo tudi, kako memoarska proza prikazuje narodno rusko zavest, in to preko zaznačevanja potez ruskega jezikovnega obnašanja: iracionalnost, zaničevanje resnice ter ljubezni do resnice in iskrenosti. Navedene v članku komunikativne posebnosti so prikazane kot izrazite poteze ruske mentalitete in povzete iz lingvističnih raziskovanj N. Arutyunova, A. Vezhbitskaya, G. Lakoffa, D. Likhatcheva, U. Cheifa idr. ter iz filozofskih virov N. Berdyayeva, A. Loseva idr. in besedil tako imenovane spovedne proze.

V članku gre za nerelevantnost logičnih opozicij resnično in neresnično. Nerelevantnost opozicij resnično in neresnično z vidika ruske mentalitete da se dokazati s tem, da ruščina jezikovno razlikuje resničnost in res (v članku ravno o tej razliki razlagamo).

Žanrska posebnost obravnavane logične ocene je v konceptualnosti in obenem v nerelevantnosti le-te v navedeni vrsti proze.

Tako lahko zaključimo, da čeravno sta koncepta RESNICA in RES sorodna, sta obenem tudi različna v ruskem vidiku Sveta. Vpogled v pragmatične posebnosti ocene resnično in neresnično oz. res in ni res prikazuje dejstvo, da edini koncept RESNICA in RES v ruski sodobni kulturi ni stabilen ter ni konkreten.